

теплой одеждой и обувью) как со стороны государства, так и при помощи общественных организаций и отдельных лиц.

В начале 1906 г. Екатеринбургская городская управа «из специального капитала на выдачу пособий семьям запасных нижних воинских чинов выделяла 46 руб. 63 коп., а также 106 руб. 37 коп. за счет 1905 г. Всего 153 руб.»⁹⁰⁹. Выдача пособий была прекращена согласно закону от 23 апреля 1906 г., за отнесением дальнейшей выдачи таковых пособий за счет сумм Алексеевского Главного комитета.

Но, стоит заметить, что помощь оказывалась детям до достижения ими совершеннолетия (16 лет).

Помощь от Главного Алексеевского комитета получали все уезды Пермской губернии, и в ряде мест призрение продолжалось и в годы Первой мировой войны. Не исключением стал и Верхогурский уезд Пермской губернии, где оказывали денежную помощь сиротам, вплоть до 1915 г.

Таким образом, деятельность Главного Алексеевского комитета в 1904 – 1907 гг. на Урале заключалась в обнаружении и постановке на учет детей-сирот участников Русско-японской войны. Благодаря составлению именных списков по волостям и уездам Пермской губернии, можно поименно составить список участников войны, а также это окажет неоценимую помощь в составлении генеалогических древ различных семей.

Опыт работы общественных комитетов и организаций как в оказании медико-санитарной и благотворительной деятельности, в составлении именных списков и выдаче пособий малоимущим, оказался весьма ценным и был востребован позднее – в годы Первой мировой войны.

Н.В. Сметиева

Ангарск

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ВИНОКУРЕННЫЙ ЗАВОД ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

XVIII в. ознаменовался в истории Иркутской губернии активным строительством винокуренных заводов: частных и казенных. К концу века в губернии было четыре казенных завода: два в Иркутском уезде (Илимский и Илгинский) и два в Илимском (Александровский и Николаевский).

Первые постройки Александровского винокуренного завода возникли в 30-х гг. XVIII в. в Иркутском уезде. Окончательно завод был «устроен» в 1757 г. во время содержания откупа обер-прокурором Александром Глебовым, по имени которого завод и получил название Александровского. В казенное ведомство завод поступил в 1787 году. Первоначально (в 1790 г.) Александровскому заводу было отведено 7 646 десятин земли, потом к этому количеству в разное время были сделаны прибавления. К 1852 г. размер заводской земельной дачи составил 11 950 десятин 1 935 сажень, а в 1860 г уже 14 435 десятин. Из них 9 544 десятины земли считались занятыми лесами, однако в реальности к середине XIX в. почти все леса на территории заводской дачи были почти полностью истреблены, а рубка дров, строевых и поделочных лесов производилась в близлежащих местах крестьянских дач¹.

Помимо земли под лесом на территории завода находились пашни, сенокосы и выгоны для скота. Больших водных источников на территории завода не было. Ключи и ручьи незначительной величины, выходящие с гор, образовывали небольшую речку до двух сажень в ширину, впадавшую в Ангару. Для винокурения использовалась ключевая вода. В 1735 г. Александровский завод посетил и описал ученый-путешественник, член Петербургской академии наук Иоганн Георг Гмелин. Из разговора с винокуром, А. Гмелин выяснил, что в периоды усиленного действия завода этой воды было

⁹⁰⁹ Отчет Екатеринбургской городской управы о движении денежных сумм, капиталов и имущества г. Екатеринбурга за 1906 г. – Екатеринбург, 1909. С. 251-252.

¹ РГИА, Ф. 1265, ОП. 1, Ед. хр. 63, л. 198.

недостаточно. По словам винокура, используемая ключевая вода «чиста, свежа, прозрачна и хорошо соединяется с хлебом во время заторов».² По результатам химического исследования Иркутской врачебной управы оказалась, что вода «мягкая, способная к образованию спирта; главное вещество, в ней примечаемое, суть: едкая известь, углекислый газ и, отчасти, атмосферный воздух».³

Численность жителей завода обоего пола в 1845 г. составила 2 662 чел.⁴, в том числе не принадлежащих заводу лиц разных сословий – 182. Из них некоторые занимались торговлей, другие развозкой вина, рубкой дров, скотоводством, земледелием и проч.

По высочайше утвержденному штату на 1839 г. при заводе числились: смотритель с годовым жалованьем 1 200 руб.; казначей – 800 руб.; лесничий – 1 500 руб.; полицмейстер (он же смотритель больницы и надзиратель приема хлеба в хлебный магазин) – 600 руб.; бухгалтер – 750 руб.; письмоводитель – 500 руб.; вахтер при хлебных и винных магазинах, материальный и солодовенный смотритель (5 чел.) – 200 руб.; нарядчик работ – 120 руб. На писцов и канцелярские расходы при полицмейстере ежегодно тратилось 1 360 руб.⁵ При заводе были открыты училище, больница и церковь.

Жители Александровского винокуренного завода относились к приходу Благовещенской церкви, находившейся в Олонской слободе. В 1835 г. в селе Александровском была построена собственная деревянная церковь во имя святителя и чудотворца Николая.⁶ Завод ежегодно выделял на содержание причта 325 руб., а на содержание священника – 450 руб.⁷ С 1836 г. священником местной церкви был С.А. Беренников.

Училище при заводе было открыто 5 сентября 1840 г. в частном доме. Учительские обязанности возлагались на местного священника, который получал за это жалованье в размере 200 руб. Такая же сумма выделялась и на приобретение учебных пособий. В 1840-е гг. в училище преподавал диакон Симеон Попов, обучавший детей краткой истории, катехизису, арифметике, чистописанию и чтению. Из учеников училища был сформирован церковный хор. К середине XIX в. в разные годы здесь обучались от 26 до 35 мальчиков.⁸

В штате заводской больницы были: лекарь, получавший жалованье 1000 руб. в год; три лекарских ученика – один старший (с содержанием 200 руб.) и два младших (с содержанием по 100 руб. каждый); надзиратель, получавший 100 руб.; шесть служителей (по 30 руб.) и три прачки (по 40 руб.). На содержание больницы, медикаменты и прочее завод ежегодно выделял 2 000 руб.⁹

Таким образом, содержание заводской администрации, больницы, церкви и училища обходились казне ежегодно в 12850 руб. ассигнациями (или 3671 руб. 42 1/4 коп серебром).

Кроме того, чиновники пользовались казенными служебными квартирами с отоплением; смотритель, казначей, полицмейстер и священник получали казенные свечи, а состоящим при больнице лекарским ученикам и служителям сверх жалованья выдавали от казны пайки: женатым и семейным по 3 пуда, а холостым и бессемейным по 2 пуда муки в месяц.

Для охраны порядка на заводе из подвижной инвалидной № 23 роты была сформирована воинская команда, включавшая обер-офицера, 13 унтер-офицеров и 174

² Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. – Иркутск, 1968. – с. 162-163.

³ РГИА, Ф. 1265, ОП. 1, Ед. хр. 63, Л 198.

⁴ ГАИО, Ф. 50, ОП. 7, Д. 181, Л. 67

⁵ РГИА, Ф. 1265, ОП. 1, Ед. хр. 63, Л 200.

⁶ ГАИО, Ф. 50, ОП. 1, Д. 4845, Л. 24

⁷ РГИА, Ф. 1265, ОП. 1, Ед. хр. 63, Л. 200

⁸ Дамешек Л.М. и И.Л. «Кедр», обгоняющий время (Очерки истории винокуренной промышленности Прибайкалья XVII - XX вв.). - Иркутск, 1998. - с.23.

⁹ РГИА, Ф. 1265, ОП. 1, Ед. хр. 63, Л. 201.

человека рядовых, проживавших в казарме, отапливаемой и освещаемой за счет завода. Надзором за ссыльными и поимкой беглых занималась казачья команда из двух урядников и 29 казаков. Губернатор Трескин усилил в свое время этот надзор переводом уездной команды из Балаганска.

По заключению второго Сибирского комитета от 1852 г. состояние заводских построек было признано удовлетворительным. По оценке лиц, производивших осмотр завода, казенные здания, построенные до 1830 г., были «стары, но прочны. Прочие заводские строения (были) новы, красивы и удобны. Больница (была) ветха», однако строилась новая. Общая стоимость заводских строений: винницы, которая регулярно перестраивалась (в 1791, 1810, 1828 гг.), двух омшенников, пяти хлебных и одного материального магазинов, трех винных подвалов, каменного подвала для бочек, бочарни, котельной, кузницы, медеплавильной, сараев, солодовни, больницы с пристройками, трех мельниц, казарм, домов чиновников и проч. - оценивалась в 7 837 руб. серебром 55 коп.⁹¹⁰

На территории завода находились 223 дома рабочих и 186 домов частных лиц. Помимо этого здесь действовал частный спиртовой завод, на котором, в случае необходимости, вино «перегонялось» в спирт.

До 1844 г. завод был «огневым», т.е. на некоторых этапах производства винокурения, например при варке сусла, использовался открытый огонь. Для защиты от пожаров имелось 7 «огнегасительных» машин, при которых постоянно находились запряженные лошади и 24 чел. из рабочих первого разряда. Периодически с этой командой проводились «репетиции поведения» во время пожара, что позволяло слаженно действовать в случае необходимости.⁹¹¹

В 1844 г. завод был переустроен. Винокур Г.Е. Сафронов с сыном перевели Александровский завод «из огневого на паровое действие»⁹¹², т.е. в производстве стали использоваться паровые машины (их точное число неизвестно). По всей видимости паровые машины использовали во вспомогательном производстве.

В начале XIX в. из-за нехватки хлеба винокурение на заводе было приостановлено, однако к 1829 г. выкурка достигла 130 тыс. ведер в год. В 1839 – 1840 гг. здесь было выкурено вина 175 793 ведра вина. На содержание завода в этот же период было потрачено 406 505 руб. 63 коп.⁹¹³

За процессом производства следил винокур, работавший по контракту, заключенному в Департаменте разных податей и сборов. По контракту он должен был выкуривать по 7 ведер вина из девятипудовой четверти хлеба. За выкурку вина он получал по 5 коп. с ведра задельной платы, а за перекур по 15 коп. с ведра ассигнациями.

Завод действовал с середины августа до середины мая, в летние же месяцы производился ремонт зданий и оборудования, закупалось сырье для следующего периода винокурения.

Александровский завод не только обеспечивал своим вином 24 винных магазина, 187 питейных домов и 100 выставок Иркутской губернии, Забайкальской, Якутской областей, но и монополизировал своей продукцией многие регионы Восточной Сибири.⁹¹⁴

Особо следует сказать о положении на заводе ссыльных рабочих, т.к. они выполняли основной объем работ. До 1787 г. на заводе насчитывалось 154 колодника, однако с увеличением объемов производства их число непрерывно возрастало, и к середине XIX в. здесь работали уже 1228 чел. Посетивший в 1837 г. Александровский завод генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский, характеризовал положение рабочих так: «Они, находясь денно и ночно у огня, и лохмотья свои обожгли, босы и

⁹¹⁰ РГИА, Ф. 1152, ОП. 1, Ед. хр. 48, Л. 2-3; Ф. 1265, ОП. 1, Ед. хр. 63, Л. 204, Ф. 1265, ОП. 4, Д. 39, Л. 2-3.

⁹¹¹ РГИА, Ф. 1265, ОП. 1, Ед. хр. 63, Л. 211.

⁹¹² ГАИО, Ф. 24, ОП. 7, Д. 592, К. 1830, Л. 72.

⁹¹³ РГИА, Ф. 1265, ОП. 1, Ед. хр. 63, Л. 211.

⁹¹⁴ Дамешек Л.М. и И.Л. «Кедр», обгоняющий время (Очерки истории винокуренной промышленности Прибайкалья XVII – XX вв.). - Иркутск, 1998. - с.21.

полунаги, артели никакой, где бы готовилась пища, и никакого жилища для них не устроено, куда, правда, достигнуть невозможно нагу и босу по трескучему морозу. Они, отбыв свою смену, заливали свое горе водкою, которую по тамошнему заведению дарит им винокур, и, оглодав кусок хлеба, утомленные, бросались тут же, в виннице, у огня, предаваясь сну... Ручаюсь, что никто без содрогания не может смотреть на эти страшилища. Закоптые остатки образа человеческого, покрытые кое-где рубищем, всклокоченные волосы и ужасающие глаза испитого, дикообразного преступника вызывают к состраданию...».⁹¹⁵

Генерал-губернатор Н.Н. Муравьев в 50-е гг. XIX в. ввел ряд мер для улучшения положения ссыльных рабочих. Все рабочие теперь делились по трем разрядам.

Рабочие первого разряда жили в собственных домах или квартирах и обзаводились собственным хозяйством, имели пашню и сенокосы. На собственных лошадях они вывозили из леса дрова для завода, за что получали барду на корм скоту. За плату и содержание они зачастую нанимали себе в помощь других рабочих. Из рядов рабочих первого разряда избирались цеховые надзиратели, десятники и караульные по заводу.

Рабочие второго разряда жили в казармах под полицейским надзором, а заслужившие доверие помещались на квартирах.

Рабочие третьего разряда содержались в окопах в казармах и высылались на работу со стражей. По мере исправления и по истечении определенного срока рабочие переводились в высшие разряды.

Некоторые мастеровые из ссыльных получали отдельную плату: медяки 150 руб., мельник 60 руб., столяр, каменщик, плотник, солодораститель и машинщик по 50 руб., нагребщики муки в виннице и сусловары, браговары и затрубные по 40 руб., а прочие каторжные рабочие по 36 руб. ассигнациями в год. Кроме того, коннорабочие и бочкари получали ежемесячно паек.⁹¹⁶

В казармах рабочих содержали артелями. Из них выбирались повара и пекари, а для починки одежды и обуви ежедневно оставляли четырех человек. Срок работы ссыльных рабочих на заводе составлял 20 лет, их дети записывались в крестьянское сословие. Увольнение раньше срока было возможно только по состоянию здоровья на основании ст. 638 14 т. Свода Законов Российской Империи, после освидетельствования их чиновниками и лекарем. По увольнению многие рабочие, имеющие при заводе дома, оставались здесь на жительство, получив название «пропитанных».

Перед введением акцизной системы Александровский винокурный завод находился в аренде у купцов А.С. Юдина и Е.М. Медовикова. Последний на собственные средства в 1853 г. построил каменную паровую винницу на каменном фундаменте с железной крышей⁹¹⁷, перестроенную после закрытия завода в центральную каторжную тюрьму. Завод был способен ежегодно производить от 500 до 700 тыс. ведер (полугара).⁹¹⁸

В 1858 г. Е.М. Медовиков умер, его делами занялся сын В.Е. Медовиков, которому в 1866 г. вместе с А.С. Юдиным казна передала управление заводом без торгов.⁹¹⁹

К 60-м гг. XIX в. на фоне общероссийских реформ государство не желало терять огромные прибыли, приносимые виноторговлей, значительная доля которых доставалась узкому кругу откупщиков, поэтому откупная система к 1863 г. была решительно отменена.

В 1866 г. завод был закрыт. Причины его закрытия до конца не ясны. Сразу после введения акцизной системы (когда частных заводов еще не было) Юдин предлагал казне приобрести у нее завод за 100 тыс. руб. серебром, однако Министерство финансов

⁹¹⁵ Там же. - с. 20-21.

⁹¹⁶ РГИА, Ф. 1265, ОП. 1, Ед. хр. 63, Л 207-208.

⁹¹⁷ ГАИО, Ф. 24, ОП. 7, Д. 592, К. 1830, Л. 384

⁹¹⁸ ГАИО, Ф. 24, ОП. 7, Д. 374, К. 1301, Л. 10-11

⁹¹⁹ Гарашенко А.Н. От Александровского завода к Александровскому селению.// Сибирский город XVIII - начала XX веков: Сб. Ст. / Сост. В.П. Шахеров. - Иркутск: Оттиск, 2002. - с. 206-207.

отказалось от этого предложения, опасаясь монополии в регионе. Вместе с тем генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков доказывал необходимость открытия новой тюрьмы, а переоборудование винницы Александровского завода в тюрьму было значительно дешевле, чем строительство новой тюрьмы. По мнению Корсакова, перестройка должна была обойтись казне в 140 тыс. руб., а помещение должно было вмещать до 1 000 арестантов. В результате было решено перестроить винокуренный завод в тюрьму⁹²⁰. К 1863 г. на Александровском заводе работали 197 ссыльнокаторжан. Плохие условия содержания служили постоянным поводом для волнений заключенных. В конце 1865 - начале 1866 г. волна недовольства резко возросла, в 1866 г. с завода бежало свыше половины каторжных рабочих.⁹²¹ Использование низкоквалифицированных ссыльных рабочих, не заинтересованных в результате своего труда, применение устаревшей технологии вынудило власти в 1866 г. принять решение о закрытии завода.

С появлением частного винокурения в Прибайкалье все менее значимым становился казенный винокуренный завод. Устаревшее оборудование и принудительный труд не могли конкурировать с новыми технологиями и наемным трудом на частных винокуренных заводах. Несмотря на применение паровых машин, завод продолжал оставаться мануфактурой феодального типа. В результате Александровский завод, просуществовавший 125 лет, прекратил свое существование.

И.А. Смяткина

Магнитогорск

ОТНОШЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА И ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Основным для Российской империи конца XIX в. можно считать аграрный или крестьянский вопрос. Экономическое развитие государства требовало от основной массы населения качественного изменения не только собственного труда, но и всей своей жизни. Однако, двойственность и зачастую непоследовательность правительственной политики рождало на свет противоречивость в восприятии этой основной, крестьянской по своей сословной принадлежности, массы происходивших в стране изменений.

Как отмечают многие историки, и без того сложная картина мира русского крестьянина еще более усложнялась за счет проводимых государством реформ. Нельзя не отметить, что этот процесс имел как объективные, так и субъективные ускорители. К первым, на наш взгляд, необходимо отнести так называемое требование времени, которое можно выразить знаменитым «верхи не могут, низы не хотят». В таком случае в качестве «верхов» выступает экономические требования товаризации крестьянского хозяйства, совершенствования техники обработки земли и повышения ее доходности. «Низами» в нашем представлении выступает социальная структура деревни, община и внутриобщинные отношения, а также место и отношение к ней в российском обществе в целом. В качестве своего рода промежутка, оказавшегося между молотом (верхами), и наковальней (низами) выступает картина мира русского крестьянина. Подобное изображение позволяет понять, почему в ней, т.н. русской душе скапливались различного рода противоречия, конфликты и коллизии и почему, пользуясь словами Б.Н. Митронова, «консенсус в деревне был подорван»⁹²².

Гораздо сложнее выявить субъективные ускорители указанного процесса, поскольку зачастую они лежат не только в области аграрной политики, а охватывают как политические реалии в целом, так и более мелкие воздействия, происходившие на уровне отдельного региона, и даже деревни. Наиболее ярким их проявлением можно считать

⁹²⁰ Там же. - с. 207-208

⁹²¹ Мухин А.А. Из истории рабочего движения в Сибири. // Сибирь периода капитализма. Экономическое и общественно-политическое развитие Сибири в 1861-1917 гг. - Новосибирск: Наука, 1965. - с. 138, 142.

⁹²² Митронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т.1 - СПб., 2000, с.467.